Дневник на океанском берегу

Автор:
Алексей Пехов

Дневник на океанском берегу

Алексей Юрьевич Пехов

Мой дом стоит на берегу океана и о таком жилище я мечтал всю жизнь. Он надежен, крепок, в нем безопасно ночами.

Мне не страшно.

Почти…

До сих пор не знаю, что меня пугает больше. Одиночество или то, что когда-нибудь оно будет нарушено…

Алексей Пехов

Дневник на океанском берегу

7 июня.

Генератор все-таки сдох и я этому даже немного рад. Его шум постоянно меня нервировал и приходилось оглядываться по сторонам чуть ли не каждую минуту. Найти новый можно, но я пожалуй обойдусь. Так что теперь без ноутбука. Перехожу на ручку и блокнот. До лучших времен. Если они конечно когда-нибудь наступят.

Здесь, пожалуй, стоит поставить смайлик, но он получается слишком грустным.

8 июня.

Дневник я веду регулярно. Для меня он такая же обязательная ежедневная программа, как чистка зубов, утренняя пробежка вдоль кромки прибоя, проверка окрестностей и визит к Мадлен. Подобные вещи дисциплинируют и незаметно превращаются в ритуал, становятся неотъемлемой частью тебя. Помогают жить и не сойти с ума.

Именно так мне говорит Мадлен. Как всегда, она права. Думаю, имеющихся в запасе карандашей и блокнотов хватит надолго.

9 июня.

Давно пора рассказать о моем доме. Он стоит на берегу океана и о чем-то таком я мечтал всю жизнь. Всегда говорил Мадлен, что хочу жить так, чтобы утром распахнуть дверь, сбежать с крыльца, и до воды рукой подать. Наверное, я немного романтик, но люблю слышать рокот волн. Это гораздо лучше тишины.

Намного лучше.

В доме два этажа. Кажется, раньше он принадлежал какому-то моряку. Во всяком случае, в комнатах много чего есть на морскую тематику. От картинок и фотографий парусных судов, до настоящего штурвала в кабинете и модели парусного корабля «Генерал Грант». Как я понял, большую часть времени жилище пустовало, хозяева приезжали сюда лишь в сезон, летом.

Помню, Мадлен спросила меня, почему я его выбрал его из всех, что находились на Грейбич.

– От него веет надежностью, – подумав, ответил я ей.

Это действительно так. Возможно, со стороны он и казался сущим пряничным домиком, сливочным, с зеленой крышей и ажурным крыльцом, но меня не

обманешь. В наши времена быстро набираешься опыта, иначе не выжить, так что я сразу обратил внимание на небольшие окна, крепкую дверь и основательность всей постройки. То, что надо для жилья.

Здесь отличный подвал. За последний месяц я натащил туда гору продуктов. В основном крупы, пасту, консервы и пластиковые пятилитровые бутылки с водой. Мадлен смеялась и говорила, что я похож на всклокоченного хомяка. Я лишь ухмылялся в ответ.

Запас карман не тянет.

Мы достаточно быстро обжили это место. С балкона второго этажа можно любоваться закатом, попивая виски или на худой конец пиво. Слава богу, они, в отличие от мяса или какой-нибудь другой скоропортящейся дряни, в магазинах присутствовали.

Всю первую неделю нашего заселения мы потратили на то, чтобы навести порядок, я укреплял ставни и дверь, ну и придумывал всякие штуки.

Капкан туда, фонарь сюда, оголенные провода к двери, газовый баллон между двух сараев, к которым проще всего пройти со стороны дороги.

С шоссе дом не видно, что меня совершенно устраивает. Его закрывает старый отель, где, судя по оставшемуся на кухне меню, продавался прекрасный ванильный коктейль за два доллара пятьдесят центов.

На первом этаже у меня гостиная и кухня. На втором спальня и кабинет. Есть кладовка. И чердак.

О нем стоит сказать особо. Но завтра. Слишком много дел.

10 июня.

О чердаке.

Там стоит пулемет. Я нашел его на городской окраине, в брошенной армейской машине и притащил в дом. Для этого пришлось повозиться и сделать три ходки. Он оказался зверски тяжелым. В первый раз я приволок его, во второй ту штуку, на которую он крепится, в третий – ящики с лентами. Конечно можно было не волочь это на своем горбу, а воспользоваться внедорожником, но я не рискую. Слишком заметно.

И шумно.

Теперь адская машинка облюбовала чердачное окно. С видом на юг. Весь пляж, как на ладони.

Пусть будет.

Просто так. На всякий случай. Стрелять я из него не пробовал. И ни хрена не знаю – получится ли? Надеюсь, что проверять не придется. Но как его зарядить, я разобрался.

11 июня.

Утром, с рассветом, когда начинается отлив, на берегу особенно приятно. Свежий ветер, восход за спиной, и я один одинешенек среди бесконечных песчаных дюн. Я бегаю. Надо быть в форме.

12 июня.

Ходил на рыбалку к старому пирсу. Это чуть больше полумили от дома. Беру с собой спиннинг, бинокль и винтовку. Вначале осматриваю всю местность и только затем отправляюсь в дорогу. Еще одна новая привычка. Однажды она меня сильно выручила.

На пирсах пахнет едко-едко. И всегда волны. Впрочем, рыба тоже есть. Дурная. Поймать такую ничего не стоит. Обычно надо не больше получаса, чтобы вытащить двух-трех увесистых окуней. Раньше, когда работал холодильник, ловил больше. Теперь лишь столько, сколько могу съесть за пару дней.

Ночью здесь полно крабов, они выползают на пирс, но, чтобы их поймать, требуется фонарь. А бегать ночью с фонарем – извините… я не настолько храбрый парень. Если честно я еще тот трус. Наверное, только поэтому все еще торчу здесь и не еду дальше.

В лучшие земли, как говорит Мадлен.

Когда шел назад, увидел в дюнах отощавшего пса. Рыжеватый спаниэль. Меня он испугался и сбежал, хотя я и пытался с ним подружиться.

Собаки умнее большинства людей. Им новые знакомства в наше странное время ни черта не нужны.

13 июня.

Сегодня ничего интересного не произошло. Писать не о чем.

14 июня.

Ночью была сильная гроза. Океан бушевал. Я просыпался несколько раз от ощущения, что в доме кто-то есть. Знаете, как в детстве. Лежишь, открыв глаза, смотришь в потолок, а пошевелиться боишься. Чтобы не привлекать к себе внимания.

Дурацкий страх! Давно пора привыкнуть. Давно пора его из себя изжить! Сейчас утро и я злюсь на себя. Марвин – ты идиот.

Добавлено вечером:

Опять видел пса. Он крутился возле отеля, наверное, искал, чем поживиться. Надо думать, почувствовал, что я жарю рыбу. Я окликнул его. Он меня издали облаял, и ушел.

Вот и поговорили.

15 июня.

Пес пришел сам. С утра ждал меня возле крыльца. Глаза несчастные. Голоден, как черт. Мадлен бы окружила его своей заботой, она это умеет. Я все же принес ему еды. Никогда не видел таких худых собак.

Пока он ел, все время на меня косился, но не рычал. Потом даже вильнул хвостом. Но не остался. Я назвал его Дасти (мою первую собаку так звали). Он не возражал.

16 июня.

Ходил на рыбалку. Все как обычно.

Всю вторую половину дня сажал батарею в рации. Как оказалось, совершенно бесполезное занятие. Сплошной треск на всех волнах. Мадлен говорит, что главное не терять надежду. Она верит. Я – нет.

Дасти вернулся под вечер, я дал ему тушенки. Вроде он остался доволен и даже позволил себя погладить. Но через порог переступить не решился.

Ну, что же. У нас много времени.

Сегодня был потрясающе-красивый закат. Жаль, нет фотоаппарата.

19 июня.

Два дня ничего не писал. Вот тебе и регулярность! Дасти пришел в дом. Он оказался дружелюбным малым, правда страшно грязным и отощавшим. Теперь отъедается за двоих и спит на кухне, под столом. Безропотно дал себя вымыть, это пошло ему на пользу.

Я как следует рассмотрел его ошейник, там было написано его настоящее имя: Леопольд. Дасти мне нравится больше. Ему, кажется тоже.

Пес смышленый и воспитанный, хотя конечно еще тот непоседа. С утра носится следом за мной по берегу, любит волны. Хватает их зубами и звонко лает.

Последнее пока проблема. Я постоянно оглядываюсь через плечо.

20 июня.

Проснулся ночью от рычания. Несколько секунд не понимал, где нахожусь, затем схватился за дробовик. В доме с ним удобнее, чем с винтовкой. Дошел до лестницы, ведущей вниз, но фонарь зажигать не стал, и спуститься тоже не решился.

Если честно, покрылся холодным потом, боясь, что пес привлечет ненужное внимание. Черт знает, кто там ходит.

Не спал до утра.

21 июня.

Кажется, все же это была ложная тревога. Специально изучил песок вокруг дома. Никаких следов. Мне все время приходиться убеждать себя, что здесь та еще дыра. До городка не близко и они вряд ли сюда придут. Я их сто лет уже не видел.

22 июня.

Обычные ежедневные дела. Сходил к Мадлен. Дасти тоже. Ему у нее, кажется, понравилось.

Вечером видел два столба дыма. Но далеко. За мысом. Чтобы там у них не происходило, меня это не касается. Пусть сами выкручиваются.

23 июня.

Я попытался сегодня составить список того, чего мне теперь не хватает. Довольно длинная ерунда вышла. И если положить руку на сердце, я легко живу без всего этого. Как быстро цивилизация вгрызается в наши кости и как легко она из них вымывается!

Раньше кто-то уродовался на работе, чтобы купить себе дорогую сумку или туфли. А кто-то дня не мог прожить без ставок на скачках. Или новостей о том, как одна музыкальная звезда вмазала по роже другой. Или вот… я всегда мечтал купить билет и полететь в Европу. Где она теперь, эта чертова Европа? Угу. Где и все мы.

В заднице.

Короче, теперь все наши мечты отправились на свалку истории. Сумки, скачки, машины, интернет, отпуск, карьерный рост… Мы хотим лишь спокойствия, еды и тепла. Для этого требуется не слишком уж много.

И… очень много.

Парадокс новой жизни.

24 июня.

Пес совсем прижился. Ходит за мной хвостом. Поселился в ногах, возле кровати. Ко мне не лезет. С утра первым несется вниз, ждет еды. Запасы есть, так что мне не жалко.

Мадлен бы одобрила мою щедрость.

Во вторую половину дня, после очередной рыбалки, я обошел весь наш поселок по периметру. Восемнадцать домов, кафе с выбитыми стеклами и старый отель. В последнем поживился туалетной бумагой и зубной пастой. Пес носился по комнатам, как сумасшедший. Обои на него что ли так действуют? Мадлен говорит, что это самая безвкусная вещь после того музея, который мы с ней видели, когда прорывались на восток.

Уже собираясь уходить, я задержался в холле. Увидел краем зрения движение и просто взлетел. Мне кажется, допрыгнул до потолка, так сильно испугался не ожидая никого здесь встретить.

А это всего лишь пес погнал крысу.

Чертова, проклятущая крыса! Когда я уже вышел, было ощущение, что кто-то наблюдает за мной со второго этажа. Обернулся, посмотрел в окна, но никого не увидел. Разыгравшееся воображение.

И только.

Но вечер вышел каким-то тревожным. Я заперся и прислушивался к каждому шороху.

25 июня.

Он снова рычал ночью. Негромко и зловеще, не вставая с пола и обратив морду в сторону, где находился отель. Уши у него были напряжены, шерсть на загривке дыбом.

Я зажег свечу. Так мы и просидели, где-то с час, пока пес не успокоился.

Я заснул, но под утро меня вырвали из дремы выстрелы. Далеко. Несколько одиночных, а затем две короткие злые очереди.

И тишина.

Когда рассвело, взял винтовку, насыпал полные карманы патронов. Еще три пачки кинул в сумку, вместе с Кольтом «Анаконда». В барабане последнего еще оставалось четыре патрона, и я не очень-то стремился его использовать. Очень громко и отдача такая, что запястья ноют.

Но зато, как оружие последнего шанса – вполне. Два потраченных патрона без труда уложили хвача, когда он выскочил на нас с Мадлен на той безымянной заправочной станции, у холмов.

К отелю я подбирался с осторожностью и на другой его стороне, у дороги, увидел следы на песке. Они вели к полю, в противоположную от города сторону.

Подумал, что выходит, уже полгода не видел никого, кроме Мадлен. Одиночество – то еще испытание. Сперва считаешь, что тебе никто не нужен, а потом ищешь хоть кого-нибудь, любого незнакомца, лишь бы перекинуться с ним несколькими ничего не значащими фразами о какой-нибудь глупости, вроде погоды.

Останавливался через каждые сто шагов, изучал местность в бинокль, поэтому сразу увидел чаек. Отсюда до океана недалеко, так что стервятники тут как тут.

Близко к телу подходить не стал, мало ли. Сюрпризы – вещь непредсказуемая. Остановился в десяти шагах, а пес распугал негодующе орущих птиц. Я окрикнул и он, послушавшись, не стал подходить к мертвецу. Сел у ног, лишь раздувал ноздри, чуя кровь.

Черный. Бродяга. Хотя теперь мы все похожи на бездомных. Лежит на боку. Клетчатая рубаха, выцветшие джинсы, стоптанные ботинки. Щетина на впалых серых щеках с сединой. Глаза открыты.

Полагаю это он был в отеле, видел меня, но подойти не решился.

Оружия не видно, вне всякого сомнения забрали, да и карманы, думаю обчистили. По счастью, те, кто его убил, уже далеко. Интересно, чем он насолил им? Нас не так много, чтобы воевать за ресурсы. Точнее ресурсов (воды, еды и тех же патронов) пока еще завались, чтобы ради них поднимать шум.

Сейчас мало кто рискует шуметь без нужды.

Полагаю убийца или убийцы, постреляв, бросились наутек. Местность они не знают, иначе бы поняли, что здесь мало кто есть. Разве что несколько хвачей, да и то в городе.

Хотя может за время там появилось что-то куда более интересное.

И опасное.

На обратном пути пес стал носиться по траве, охотясь то ли на мышей, то ли еще на какую мелкую дрянь, а затем и вовсе пропал. Я не очень-то беспокоился. Жил же он как-то без меня.

Осторожность вновь сыграла мне на руку. Я заметил четверых зараженных лишь потому, что то и дело осматривал местность. Может сперва они от людей и не сильно отличаются, но с каждым днем болезнь становится все заметнее.

Все, кто выжил, теперь даже не видя глаз, узнают зараженную форму. Походка у них сильно меняется, в отличии от человеческой. Когда они спокойны и не бегут со скоростью оголодавшего экспресса, то выхаживают, точно модели на подиуме. А головы у них в этот момент болтаются, словно в шее нет никаких костей.

Туда-сюда. Было бы смешно, если бы не было так страшно.

Они брели по трассе, недалеко от сгоревшей фермы, меньше, чем в четверти мили от отеля. А до меня довольно близко, футов восемьсот. Как назло, в этот момент появился пес. Я успел одной рукой схватить его за ошейник, а другой за пасть. Чувствуя мокрую слюну на ладони, смотрел лишь на зараженных.

Дасти, на мое счастье, не стал вырываться, а его рычание было таким слабым, что его не услышали.

Они прошли, скрылись за фермой, направившись к лесу. Я выждал несколько минут, прежде, чем отпустить собаку. Хотел вытереть руку от слюны, выругался, понимая, что это кровь. Вся морда спаниэля была в ней испачкана. Он все-таки

поймал своего грызуна.

26 июня.

Мне повезло. Я был готов. Опять один.

27 июня.

На следующий день, как мы прогулялись в поле, все было, как обычно. Пробежка утром. Рыбалка. Дасти был какой-то вялый, потом вообще вернулся к дому, ждал меня на крыльце.

Я осторожничал, после того, как увидел зараженных. Ходил еще с большей оглядкой, чем прежде. Так что вернулся домой поздно, когда солнце уже достаточно припекало.

Пес тяжело дышал, я подумал, что от жары. Налил ему воды в миску, поднялся в кабинет, сидел у открытого окна, осматривая берег в бинокль. Далеко, у каменистого мыса, сильно выдававшегося в океан, двигались две точки. Наблюдал за ними пока они не исчезли. Туда никогда не доходил, а они не шли ко мне, так что меня это не очень беспокоило.

Когда спустился на кухню, Дасти лежал ко мне спиной. Я еще увидел, что вода в миске не тронута и тогда он поднял уши, а потом повернул в мою сторону голову.

Глаза у него были темно-фиолетовые, с алыми белками, а в пасти пузырилась розовая слюна. Он бросился ко мне с непередаваемой скоростью (хотя, на самом деле, мне так показалось со страху) я опрокинул стол между нами, рванул на лестницу. Это дало мне секунду форы.

Хотя смешная фора. Попробуй-ка убеги от спаниеля. Повезло лишь, что в этой стадии больные подвергаются дезориентации и у них сильная светобоязнь. На лестницу через окно как раз падали прямые солнечные лучи и пес замедлился настолько, что я успел заскочить в кабинет и захлопнуть дверь.

Он молча и остервенело ударился в нее, а затем начал скрести лапами. Надо сказать, что у меня даже руки не дрожали, это пришло позже. Схватил дробовик, разбил дверное стекло и успокоил его.

Два дня занимался тем, что в костюме, маске и перчатках вымывал дом от малейших капель крови. Когда отмыл, сделал повторную уборку.

Хотя, конечно, это такое себе… с учетом того, что я сжимал рукой окровавленную пасть там, в поле. Полагаю, он вернулся к убитому и нализался его крови, пока я не видел.

Чертова проклятущая тупая псина.

Я достал из аптечки вакцину Джеймса Макгеттигана, сделал себе укол.

Посмотрим, что будет дальше.

Вообще, конечно, настроение ни к черту. Когда расскажу Мадлен, вполне представляю ее реакцию. В лучшем случае она печально покачает головой, в худшем скажет, что предупреждала меня не заводить себе никаких друзей.

Не то нынче время для дружбы.

Ночью была легкая лихорадка, хотел пить.

Реакция на укол. У меня уже было так, когда мы с Мадлен оказались возле Фонтейна. Тогда я заработал царапину от выскочившей на меня толстенной бабищи, чей подбородок и грудь были в розовой слюне.

28 июня.

Хороший день. Отличная погода. Штиль.

Но мной овладела некая апатия, особенно если посмотреть на выбитое стекло и разбитый дробью пол. Все как-то осточертело.

Мой стиль жизни осточертел. Я хомяк, живущий в созданной самим собой клетке. Сбежавший от всех, ни в ком не нуждающийся и вздрагивающий от каждого шороха. Хотя, казалось бы, три года с начала эпидемии. Три года с тех пор, как мир неотвратимо изменился, а большинство человечества сгинуло из-за мутации бешенства. Уцелели немногие выжившие и немногие зараженные, кого вирус не смог добить, а оставил, чтобы попытаться распространиться дальше.

Пора бы уже привыкнуть. Но я все еще прячусь, хотя обещал Мадлен, что двинусь на юг, не буду ждать.

Но я ждал. Сперва ее, затем… затем сам не знаю, чего. Как говорится, пустил корни. И испугался дальней дороги. Трусость – страшный якорь.

А я трус. Ибо просто боюсь жить в новом мире.

30 июня.

Вчера не хотел ничего писать.

Сегодня никуда не пошел. Забил на пробежку, не стал навещать Мадлен. Сидел с апатией глядя в окно и раздумывал, не вскрыть ли новую бутылку бурбона прямо с утра пораньше?

Черт меня дернул включить рацию. Я этого не делал с середины июня, уже давно потеряв всякую надежду.

– Меня слышит хоть кто-то?! – с отчаяньем спросил женский голос с трудом пробиваясь сквозь сильный треск, и я разом забыл о желании напиться. – Ну хоть кто-нибудь?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksey-pehov/dnevnik-na-okeanskom-beregu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити